

Валентина Селезнёва

Садовница

Психологическое фэнтези

Валентина Селезнёва

Садовница.
Психологическое фэнтези

«Издательские решения»

Селезнёва В.

Садовница. Психологическое фэнтези / В. Селезнёва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690998-4

Что делать, если у тебя нет мечты? Эта трилогия — путь Даши от растерянной девочки, искавшей волшебный остров, до мудрой Садовницы. Она научится не бояться своих «шипов» и тёмных сторон, а в конце — создавать целые миры, чтобы помочь другим найти себя. Это история о том, как самая большая пустота может стать источником самой великой силы.

ISBN 978-5-00-690998-4

© Селезнёва В.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая: Книга Пустых Страниц	6
Глава 1: Шёпот из сундука	6
Глава 2: Тишина, которая слышит	8
Глава 3: Дверь, которую нужно увидеть	10
Глава 4: Сад на изнанке мира	12
Глава 5: Поле Забытых Начал	14
Глава 6: Художник, рисовавший пустоту	16
Глава 7: Река, что течёт вглубь	18
Глава 8: Тот, кто шёл по всем дорогам	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Садовница Психологическое фэнтези

Валентина Селезнёва

© Валентина Селезнёва, 2026

ISBN 978-5-0069-0998-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая: Книга Пустых Страниц

Глава 1: Шёпот из сундука

Дождь за окном не унимался. Его монотонная дробь по старой железной крыше превратилась в привычный фон, как тиканье часов. Даша сидела на подоконнике и смотрела, как серые капли стекают по стеклу, искажая и без того унылый мир. Сегодня в садике их снова спрашивали, кем они хотят стать. И снова у Даши не было ответа. От этого на душе было так же серо и мокро, как на улице.

Но у Даши было своё тайное убежище. Место, где время текло иначе, а тишина была наполнена историями. Чердак.

Для других это была просто свалка старых вещей, но для неё – целое королевство. Она любила его за то, как солнечные лучи, пробиваясь сквозь пыльное окошко, превращали миллионы пылинок в танцующие золотые искры. Любила за запах – смесь старого дерева, сухих трав и чего-то ещё, неуловимого, запаха самого времени. Здесь, наверху, никто не задавал глупых вопросов. Здесь можно было просто быть.

Скрипнув последней ступенькой, она поднялась в свой мир, где тени хранили чужие секреты. И сразу направилась к его сердцу – к большому деревянному сундуку, окованному железом.

Он был для неё не просто ящиком. Он был пещерой сокровищ. Даша знала наизусть почти всё, что в нём хранилось: пожелтевшие кружева бабушкиной молодости, стопки писем, перевязанных лентой, забытые игрушки, старые фотографии людей с серьёзными, незнакомыми лицами.

Но сегодня что-то было иначе. Она села на пол перед сундуком и подняла тяжёлую крышку, не зная, что ищет. Её пальцы погрузились в прохладный, шуршащий ворох прошлого. Она перебирала мягкость бархата, гладкость фотобумаги, хрупкость кружев. И вдруг её пальцы наткнулись на что-то твёрдое, но тёплое. Не дерево. Не картон. Кожа.

С любопытством она начала разгребать вещи вокруг. И вот, с усилием извлекла на свет... Книгу.

Она была тяжёлой, в потрескавшемся от времени тёмном кожаном переплёте. На обложке не было ни единого слова, ни названия. Только вытисненный потускневшим золотом рисунок – компас, у которого вместо привычной стрелки было лёгкое, изящное перышко.

Даша затаила дыхание. Она никогда раньше не видела этой книги.

Она села так, чтобы весь скудный свет от маленького окошка падал прямо на странную находку. Пылинки кружились вокруг, будто маленькие свидетели великой тайны. Сердце забилося чаще, наполняя тишину чердака своим гулким стуком.

С тихим, вековым скрипом она открыла книгу.

На первой же странице, нарисованная от руки выцветшими чернилами, была карта. Бумага была плотной, чуть шершавой и пахла по-особенному – не так, как новые книги в магазине, а как что-то древнее, хранящее секреты. Линии, нарисованные чернилами, были не идеально ровными, как на печатных картах, а живыми, дрожащими. Она водила пальцем по изгибам гор, похожих на спины спящих ящеров, и представляла, каково это – оказаться там. Впервые за весь день Даша почувствовала не грусть, а что-то совсем другое. Любопытство. Будто кто-то натянул внутри неё тоненькую струну, и она начала вибрировать от дуновения волшебного ветерка. Лёгкое, щекочущее волнение, будто маленькая бабочка проснулась у неё в животе. Эта карта была не похожа ни на одну другую. Она была... настоящей.

Вдруг, сквозь шум дождя, она услышала звук.

Тихий шорох, совсем рядом.

Он донесся из того самого сундука, откуда она достала книгу. Даша замерла, её пальцы застыли на нарисованном море. Может,мышь? Бабушка говорила, что они иногда забегают на чердак. Она напрягла слух. Шорох повторился, но он был другим – не царапаньем крошечных лапок, а скорее... шуршанием ткани. Будто кто-то уютнее усаживался в ворохе старых вещей.

Даша медленно, боясь издать хоть звук, повернула голову. Её взгляд упал на раскрытый сундук. Там, оперевшись на стопку пожелтевших кружев, сидел старый плюшевый мишка. Его коричневая шерстка кое-где вытерлась до основы, на животе виднелась аккуратная заплатка, а одно ухо смешно повисло. Но самое удивительное было в его глазах. Один глаз был обычной черной пуговицей, пришитой крест-накрест, а второй – настоящий, стеклянный, карий, и он... смотрел прямо на неё.

Мишка медленно, со скрипом, будто его суставы были набиты не ватой, а сухими листьями, повернул голову. Пылинки, потревоженные этим движением, закружились в луче света от окна.

– А, вот ты где, – произнес он.

Голос у него был старый, немного скрипучий и тихий, как шелест страниц. Даша ахнула, от неожиданности выронив тяжелую книгу. Та с глухим стуком упала на пол, раскрыв новую страницу.

Мишка посмотрел на книгу, потом снова на ошолобенную девочку.

– А я уж начал думать, что она никогда не найдёт своего читателя, – добавил он, и в его стеклянном глазу блеснул огонёк.

Он неловко, переваливаясь, выбрался из сундука и встал на свои плюшевые лапы. Ростом он был Даше чуть выше колена.

– Меня зовут Барнаби. Я – Хранитель Карты. И, похоже, я очень долго тебя ждал.

Даша сидела на полу, не в силах пошевелиться. Её сердце колотилось где-то в горле. Говорящий плюшевый мишка. Карта волшебного острова. Всё это было так невероятно, так невозможно, что её сердце, вопреки всякой логике, знало – это правда.

Глава 2: Тишина, которая слышит

Даша не могла дышать. Воздух, такой плотный и пахнувший пылью, вдруг перестал поступать в лёгкие. Сердце, едва успокоившееся, теперь билось о рёбра так сильно, что, казалось, этот стук был слышен даже сквозь шум дождя. Говорящий плюшевый мишка. Этого не бывает. Этого просто не может быть.

Барнаби, казалось, почувствовал её страх. Он не сделал больше ни шагу. Он просто стоял, слегка переваливаясь на своих коротких лапках, а его единственный стеклянный глаз смотрел на неё с безграничным терпением. Он не торопил.

– Тише, не бойся, – сказал он снова, и его скрипучий шёпот был на удивление успокаивающим. – Я не причиню тебе вреда. Я так долго ждал встречи с тобой, и последнее, чего бы я хотел – это напугать тебя.

Он медленно, с кряхтением, опустился на пыльный пол и сел, вытянув вперёд свои лапы. Так он казался меньше и совсем не страшным. Просто старой, мудрой игрушкой.

– Но... ты... ты говоришь, – пролепетала Даша. Это был первый звук, который она смогла издать, и он прозвучал тонко и неуверенно.

– Говорят многие, – мягко ответил Барнаби. – А вот слушать умеют единицы. Особенно слушать тишину.

Даша непонимающе нахмурилась.

– Я не понимаю.

– Позволь, я объясню, – сказал мишка. – Эта Карта – вещь очень тихая. Волшебство не любит кричать, оно предпочитает шёпот. Она зовёт того, кто сможет её услышать. А когда у человека в голове уже есть громкая, звенящая мечта – стать космонавтом, построить самый высокий дом, – она шумит и гремит, как оркестр. За этим шумом невозможно расслышать тихий шёпот Карты.

Он помолчал, давая Даше время осознать его слова.

– Но у тебя... – продолжил он, и его стеклянный глаз, казалось, заглянул ей прямо в душу. – У тебя внутри – тишина. Спокойствие. Есть место, чтобы услышать. Есть пространство, чтобы впустить в себя что-то новое, что-то настоящее. Карта не показывается тем, кто уже всё для себя решил. Она показывается тем, кто ищет. Даже если они сами ещё не знают, что именно.

Слова Барнаби окутывали Дашу, как тёплый плед. Вокруг неё все были такими... шумными. Не снаружи, а внутри. В их головах звенели ракеты, мяукали котята, строились дома. А у Даши внутри была только тишина. И ей казалось, что эта тишина – это что-то неправильное, словно у неё сломалась важная деталька. А сейчас этот крошечный плюшевый медведь говорил, что это – её дар. Её уникальная сила.

– Значит... со мной всё в порядке? – тихо спросила она, и в её голосе дрогнула слеза, готовая вот-вот сорваться с ресниц.

– С тобой всё более чем в порядке, – твёрдо сказал Барнаби. – Ты – именно та, кто нужен.

Даша на мгновение почувствовала облегчение, но тут же её захлестнула новая волна вопросов.

– Но кто... кто ты? – прошептала она. – Ты просто... игрушка из этого сундука?

Барнаби посмотрел на свои плюшевые лапы, словно видя их впервые.

– В каком-то смысле, да, – сказал он, и в его скрипучем голосе послышалась тень древней печали. – Этот облик – лишь одна из моих одежд. Я – Хранитель. И я не был сделан. Я был... рождён. Рождён из самого первого путешествия к Острову, много-много веков назад. Когда первый заблудившийся путник вернулся, он принёс с собой не только мечту, но и эхо своего пути. Это эхо – я.

Он поднял свой стеклянный глаз на Дашу.

– Моя задача проста. Охранять Карту и ждать того, чьё сердце будет достаточно тихим, чтобы услышать её зов. Я был оловянным солдатиком, когда миром правили короли. Был фарфоровой куклой в эпоху балов. А последние сто лет... я медведь. Этот облик мне нравится больше всего. Он не пугает. Он утешает.

Он обвёл взглядом пыльный чердак.

– Я лежал в этом самом сундуке, когда твоя прабабушка была маленькой девочкой. Я слушал, как росла твоя бабушка, а потом и твоя мама. Я слушал их мечты, их смех, их слёзы. И всё это время я ждал. Ждал появления тихого сердца. Такого, как у тебя.

Даша слушала, затаив дыхание. Её история была не случайностью. Это была судьба, которая терпеливо ждала своего часа в пыльном сундуке её собственной семьи.

Барнаби кивнул на книгу, которая так и лежала на полу. Когда она упала, то раскрылась на новой странице. Там, под слоем пыли, был искусно выполненный рисунок: могучий старый дуб, а в его стволе – маленькая, круглая, как луна, дверца с кованой ручкой.

– Остров Ненайденных Мечтаний – это не то место, где мечты лежат на полках, как товары в магазине, – объяснил Барнаби, снова становясь на лапы. – Мечты там нужно вырастить, как диковинные цветы. Для этого нужны семена, почва и много заботы. А ещё – долгое путешествие. И оно начинается у старого клёна в вашем саду.

Он снова посмотрел на неё, и его голос стал очень мягким, давая ей право на сомнения.

– Но это путешествие, Даша. Оно может быть трудным. В нём могут быть и страх, и неизвестность. Никто не заставляет тебя идти. Ты можешь просто закрыть книгу и оставить нас с ней в сундуке. И всё станет как прежде. Вопрос лишь в том... готова ли ты сделать первый шаг?

Даша опустила взгляд. Одна её часть, та, что привыкла быть тихой и послушной, кричала: «Нет! Это безумие!». Ей было страшно.

– Я... я не знаю, – прошептала она. – Я... боюсь.

Она посмотрела на карту, потом на старого, мудрого медведя, который ждал её дольше, чем стоят стены этого дома. Она вспомнила ощущение, будто внутри неё целый день шёл такой же серый, скучный дождь. И поняла, что остаться здесь, зная, что за окном есть дверь в другой мир, было бы ещё страшнее.

Она подняла глаза на Барнаби.

– Я боюсь, – повторила она, но теперь в её голосе была твёрдость. – Но... я попробую.

Барнаби не улыбнулся, но его стеклянный глаз, казалось, потеплел.

– Это всё, что нужно, – кивнул он. – Желания попробовать.

Он встал на свои короткие лапы.

– Тогда пойдём, – мягко сказал он и протянул ей свою маленькую плюшевую лапку.

И когда Даша, на мгновение замешкавшись, вложила свою ладонь в его, её настоящее путешествие началось.

Глава 3: Дверь, которую нужно увидеть

Они стояли под огромной кроной старого клёна, словно под куполом зелёного собора. Шум дождя здесь был приглушённым, превратившись в убаюкивающий шёпот тысяч листьев, принимающих на себя удар стихии. Воздух был густым и пах так, как пахнет только в лесу после грозы: влажной землёй, прелой листвой и острой, свежей нотой мокрой коры. От земли поднимался лёгкий пар.

– Мы на месте, – сказал Барнаби, отпуская её руку. – Здесь тебе предстоит открыть первую дверь.

Даша кивнула, крепче прижимая к себе книгу. Она подошла к могучему стволу. Клён был таким широким, что ей, наверное, не удалось бы обхватить его, даже если бы она позвала на помощь Петю и Аню из садика. Кора была похожа на морщинистую кожу древнего великана – вся в глубоких бороздах, узловатых наростах и пятнах бархатистого зелёного мха.

– Я должна найти дверь? – спросила она, оглядываясь на своего проводника.

Барнаби мягко покачал головой.

– Я не могу её найти за тебя, Даша. И никто не сможет, – сказал он, и его тихий голос не нарушил, а скорее дополнил эту лесную тишину. – Эту дверь видишь только ты. Это твой путь, и только ты сама можешь открыть в него первую дверь. Доверься себе. Книга показала тебе, что искать.

Слова Барнаби наполнили Дашу смесью страха и ответственности. *Только ты сама.*

Она снова повернулась к дереву. Теперь она была с ним один на один.

Пальцы скользили по влажной, шершавой поверхности. Она заглядывала в каждую тёмную трещину, стучала костяшками по каждому наросту, ожидая услышать гулкий, пустой звук. Она обошла ствол по кругу, потом ещё раз. Она искала щель, замочную скважину, петли – что-то, что указывало бы на дверь. Но не находила ничего. Дерево было просто деревом. Монолитным, живым и совершенно непроницаемым.

По её спине пробежал неприятный холодок. А что, если... она всё это выдумала? Что, если Барнаби на самом деле не говорил, а ей просто показалось? Что, если это просто старое дерево, а книга – просто книга с картинками? От этой мысли ей стало ужасно страшно и одиноко. Она бросила отчаянный, умоляющий взгляд на плюшевого мишку.

Он сидел на корне, выпирающем из земли, и спокойно наблюдал за ней. Его стеклянный глаз не выражал ни нетерпения, ни разочарования.

– Ты ищешь дверь, которую можно *найти*, – сказал он мягко. – А это дверь, которую нужно *увидеть*.

Даша остановилась.

– Что это значит?

– Ты ищешь руками и глазами, – объяснил Барнаби. – Ты ждёшь, что она будет такой, как в твоём доме. Но магия не повторяет то, что уже создано. Она создаёт заново. Перестань искать. Просто... посмотри.

Перестать искать. Как это? Даша глубоко вздохнула, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Она подошла к стволу и прислонилась к нему щекой. Кора была прохладной и пахла дождём. Даша закрыла глаза. Она вспомнила слова Барнаби о её внутренней тишине. Она перестала думать о том, что ей «нужно» сделать. Она просто стояла, дышала, слушала шум дождя в листьях и ощущала под щекой древнюю, могучую жизнь дерева.

Она не знала, сколько прошло времени – минута или десять. Но когда она снова открыла глаза, всё изменилось.

Она смотрела на тот же самый участок коры, но теперь он был другим. Это было похоже на то, как проступает рисунок на бумаге, если поднести её к огню. Прямо перед её глазами глу-

бокие, хаотичные борозды на коре начали плавно, без единого звука, изгибаться и сплетаться в новый узор. Линии, прежде резкие, смягчились и потекли, как расплавленный воск. Они сходились и расходились, образуя идеальный круг, размером чуть больше, чем сама Даша.

Узел на дереве, который она до этого безуспешно пыталась оторвать, вытянулся, истончился и свернулся в изящную ручку, похожую на молодой, нераскрывшийся папоротник.

Дверь не была вырезана в дереве. Она была самим деревом. Она просто... проявилась.

Даша затаила дыхание. Она протянула руку, её пальцы дрожали. Она коснулась ручки-папоротника. Та была гладкой, тёплой и казалась живой.

– Получилось, – прошептала она, поворачиваясь к Барнаби.

Мишка кивнул, и в его стеклянном глазу отразился перламутровый свет, пробивающийся сквозь листву.

– Первый шаг – самый трудный, – сказал он, поднимаясь на лапы. – А ты его уже сделала. Теперь открывай. Твоё настоящее путешествие начинается.

Глава 4: Сад на изнанке мира

Даша стояла перед проявившейся в стволе клёна дверью, и её сердце билось в такт с шумом дождя. Рука, лежащая на тёплой, живой ручке-папоротнике, слегка дрожала. Она посмотрела на Барнаби. Он ободряюще кивнул, и его стеклянный глаз поймал блик света, сверкнув, как далёкая звезда.

Сделав глубокий вдох, Даша потянула ручку на себя.

Дверь открылась без малейшего скрипа. Не было ни скрежета старого дерева, ни стопа петьель. Она отворилась с мягким, едва слышным вздохом, будто дерево само выдохнуло, впуская их. Из проёма пахло не сыростью подполья, а чем-то невероятно знакомым и одновременно совершенно чужим – запахом летнего полдня, мёда и нагретых солнцем полевых цветов.

Даша замерла на пороге, не веря своим глазам.

За дверью был её сад.

Но это был не тот мокрый, серый сад, который она только что видела с чердака. Дождя здесь не было. Над головой сияло чистое, неправдоподобно голубое небо с редкими перламутровыми облаками, а воздух был залит тёплым, медовым светом, хотя солнца нигде не было видно.

Это был её сад, но словно кто-то выкрутил его краски на максимум. Трава под ногами была не просто зелёной – каждая травинка, казалось, была вырезана из изумруда и хранила в себе капельку света. Бабушкина клумба полыхала такими яркими цветами, что глазам было больно смотреть. А на алых лепестках роз дрожали крупные капельки росы, сияющие как рубины, хотя никакого дождя здесь не было. Старые деревянные качели, обычно серые и унылые, теперь были обвиты тонким, светящимся бледно-зелёным плющом.

Даша сделала шаг вперёд, и дверь за её спиной так же беззвучно закрылась, сливаясь со стволом дерева.

Мир наполнился звуками. Но это были не обычные звуки. Песни птиц, доносившиеся откуда-то сверху, было похоже на хрустальные переливы. А когда лёгкий ветерок коснулся синих колокольчиков на клумбе, Даша услышала тонкий, мелодичный звон, будто кто-то играл на крошечной арфе.

Она медленно пошла по изумрудной траве, не в силах скрыть тихий восторг. Она протянула руку и коснулась листа на кусте сирени. Он был бархатистым и тёплым, как щека котёнка, и под её пальцами от него пошла едва заметная изумрудная пульсация, как от крошечного сердца.

– Где мы? – прошептала она, поворачиваясь к Барнаби, который семенил рядом.

– Мы всё ещё в твоём саду, – ответил он, осматриваясь с видом знатока. – А точнее, на его Пороге. Это изнанка мира. Место, где всё немного... живее.

Он указал лапой на бабочку, которая опустилась на цветок. Её крылья были не просто жёлтыми, они переливались жидким золотом, а узоры на них медленно менялись, как в калейдоскопе.

– Это место – первый шаг, – продолжил Барнаби. – Отсюда начинаются все настоящие тропы. Но чтобы найти свою, тебе снова понадобится Карта.

Даша опустила взгляд на книгу, которую всё это время прижимала к груди. Она открыла её на той самой странице. Карта изменилась. Теперь она была не просто рисунком на бумаге. Она светилась мягким внутренним светом, а от точки, обозначающей старый клён, через весь сад вилась тонкая, пульсирующая золотом линия. Она вела к старой калитке в дальнем конце сада.

– Она показывает путь, – выдохнула Даша.

– Конечно, – кивнул Барнаби. – Карта – живая. Она всегда знает, где ты и куда тебе нужно сделать следующий шаг. Ну что, пойдём? Впереди нас ждёт калитка.

Глава 5: Поле Забытых Начал

Путь к старой калитке, обычно занимавший у Даши не больше минуты, превратился в маленькое, насыщенное событиями путешествие. Она шла по изумрудной траве, которая пружинила под ногами, как самый мягкий ковёр. Воздух был тёплым и густым, наполненным ароматом мёда и пыльцы. Когда она проходила мимо куста жасмина, каждый белый цветок поворачивал свою головку ей вслед, а от куста исходило тихое, довольное гудение, похожее на мурлыканье сотен крошечных котят.

Старая калитка, всегда скрипевшая и цеплявшаяся за землю, здесь выглядела иначе. Ржавчина на её кованых узорах исчезла, сменившись благородным, тёмным блеском, будто её только что отполировали. Деревянные дощечки были гладкими и тёплыми на ощупь, а на одной из них расцвёл крошечный синий выюнок, которого Даша раньше никогда не видела.

Она взялась за холодную металлическую щеколду. Мгновение она колебалась, бросив взгляд на яркий, живой сад за спиной. Потом посмотрела на Барнаби. Он ждал терпеливо, его плюшевое тельце было напряжено в ожидании.

Собравшись с духом, Даша подняла щеколду и толкнула калитку.

Та распахнулась беззвучно.

Их тут же окутало совершенно иное пространство. Яркие краски сада исчезли, сменившись бескрайним, колышущимся морем высокой, по пояс Даше, травы серебристо-зелёного цвета. Она уходила до самого горизонта, где сливалась с бледным, жемчужным небом без солнца и облаков. И первое, что Даша почувствовала – это ветер. Лёгкий, прохладный, пахнущий сухими травами и пылью дальних дорог.

А второе – это звук.

Сначала ей показалось, что это просто шелест травы на ветру. Но, прислушавшись, она поняла, что это не так. Это был шёпот. Миллионы тихих, едва различимых голосов, сливающихся в единый, бесконечный гул. Он шёл отовсюду – от каждой травинки, от каждого порыва ветра.

Они стояли на пороге, и шёпот окутывал их, как туман. Даша замерла, пытаясь разобрать слова. Ей это не удавалось, но она улавливала интонации. В них была грусть. Сожаление. Тоска. Это были отголоски фраз, сказанных так давно, что от них осталась лишь тень звука:

«...если бы я только попробовал...»

«...почему я тогда побоялся?...»

«...надо было начать...»

«...потеряно... забыто...»

«...может, в другой раз...»

Дашу охватило странное, тягучее чувство. Ей стало очень-очень жалко всех этих безымянных «кого-то», чьи невысказанные сожаления теперь вечно шелестели в этой траве. Это была не её печаль, но она ощущала её почти физически, как холод, пробравшийся под куртку.

– Что это за место? – прошептала она, боясь нарушить эту зыбкую гармонию.

– Это Поле Забытых Начал, – так же тихо ответил Барнаби, который подошёл и встал совсем близко, словно ища защиты. – Каждая травинка здесь – это мечта, которую кто-то так и не начал воплощать. Идея, которую отложили на завтра, и это «завтра» никогда не наступило. Обещание, которое так и не сдержали. Они не опасны. Они просто... грустят.

Даша опустила глаза на книгу. Золотая линия на карте всё так же ярко светила. Она не обрывалась у калитки, а решительно уходила вперёд, прочерчивая чёткий маршрут прямо через колышущееся море серебряной травы.

– Нам нужно пройти через него? – спросила она.

– Да, – кивнул Барнаби. – Путь на Остров лежит через множество чужих историй. Но будь осторожна: эти шёпоты – как липкая паутина. Если слишком долго в них стоять, можно запутаться и не найти свою тропинку. Пойдём. И постарайся не слишком вслушиваться. Это не наши печали.

Он шагнул первым. Высокая трава сомкнулась за ним, и на мгновение он исчез.

– Барнаби! – испуганно позвала Даша.

– Я здесь! – донёсся его приглушённый голос. – Иди за мной!

Даша сделала глубокий вдох, крепче прижала к себе книгу и шагнула с порога своего мира в Поле Забытых Начал. Трава тут же обняла её со всех сторон, прохладная и гладкая, и шёпот сожалений стал громче.

Глава 6: Художник, рисовавший пустоту

Они шли сквозь серебряное море травы. Шёпот не умолкал ни на секунду, он просачивался под одежду, забирался в волосы, пытался запутать мысли. Даша старалась следовать совету Барнаби и не вслушиваться, но это было трудно. Голоса были такими печальными, такими потерянными. Она крепче сжимала в руках книгу, сосредоточившись на тонкой золотой линии, которая, как путеводная нить, вела их вперёд.

Постепенно она начала замечать, что шёпот впереди становится тише. Не внезапно, а плавно, будто громкость медленно убавляли. Трава вокруг них начала редеть, становиться ниже, пока, наконец, они не вышли на круглую поляну, островок оглушительной тишины посреди шепчущего поля.

Здесь было совершенно тихо.

В центре поляны, на складном деревянном стульчике, сидел кто-то, ссутулив спину. Он был высокий и тонкий, как засохший стебель, одетый в серый холщовый балахон. Длинные, чуткие пальцы были испачканы в красках – синей, алой, жёлтой, – но вокруг него не было ни капли цвета.

Он был окружён. Со всех сторон его обступали мольберты, и на каждом стоял абсолютно, кричаще-белый холст. Они были как пустые глаза, как немые укоры, как обещания, которые так и не начали сбываться.

Существо не шевелилось. Оно просто смотрело на один из белых прямоугольников перед собой.

Даша и Барнаби остановились на краю поляны.

– Что он делает? – прошептала Даша.

– Он не делает. В этом-то и беда, – так же шёпотом ответил Барнаби.

Они медленно подошли ближе. Под их ногами хрустнула сухая веточка. Существо вздрогнуло и медленно повернуло голову. У него было вытянутое, печальное лицо с большими, влажными глазами цвета выцветших фиалок.

– А, – выдохнул он, и его голос был хриплым от долгого молчания. – Ещё одни зрители. Пришли посмотреть на мою коллекцию пустоты?

– Мы – путешественники, – мягко сказал Барнаби. – Наш путь лежит через это поле.

– Путь... – горько усмехнулся художник, обводя рукой свои белые холсты. – У вас хотя бы есть путь. А я дошёл до своего тупика.

– Почему они пустые? – не выдержав, спросила Даша.

Вопрос был таким простым, таким детским, что художник на мгновение растерялся. Он посмотрел на Дашу, и в его фиалковых глазах отразилось удивление.

– Потому что... – начал он, запинаясь. – Потому что я жду. Я мечтал написать величайшую картину. Не просто красивую, а... настоящую. Я хотел нарисовать восход, от которого у всех бы замирало сердце. Портрет, который бы показывал не лицо, а душу. Пейзаж, который бы заставил плакать от красоты.

Он встал и начал ходить между мольбертами, касаясь пальцами их гладкой, нетронутой поверхности.

– Но каждый раз, когда я брал в руки кисть, я слышал их... – он махнул рукой в сторону высокой травы. – Шёпот. «А что, если ты выберешь не тот оттенок синего?», «А вдруг эта линия будет неидеальной?», «Эта идея уже была у кого-то другого, ты будешь лишь бледной копией». И страх. Страх сделать ошибку. Страх, что получится не гениально, а просто... обычно.

Он остановился и посмотрел на свои руки, перепачканные яркими красками.

– Этот страх стал таким большим, что я... перестал пробовать. Легче не начинать совсем, чем начать и потерпеть неудачу. Теперь я просто сижу здесь. В окружении своих неначатых шедевров.

Даша слушала его, и её сердце сжималось. Она вдруг узнала в его словах свой собственный, знакомый страх. Это было очень похоже на то, что она чувствовала в садике. Когда все вокруг выбирали себе мечты, как яркие конфеты, – космонавт, ветеринар, строитель, – а она молчала. Она боялась выбрать что-то «не то», что-то скучное или неправильное. И поэтому... она не выбирала ничего. Совсем как художник, который боялся испортить свой белый холст.

– Это как... – тихо сказала она. – Как когда все спрашивают, кем ты хочешь стать, а ты боишься выбрать что-то не то. Что-то скучное или неправильное. И поэтому... лучше не выбирать ничего.

Художник замер и посмотрел на неё по-новому. Впервые за долгое время кто-то не жалел его, а понимал.

Даша огляделась. Рядом с одним из мольбертов она увидела то, что осталось от давно погасшего костра. Она подошла, нагнулась и подобрала с земли кусочек угля. Он был чёрный и пачкал пальцы.

Она подошла к ближайшему белому холсту. Художник и Барнаби молча следили за ней.

Не говоря ни слова, Даша прикоснулась углём к белоснежной поверхности. Она не пыталась нарисовать что-то великое. Она просто провела линию. Кривую, неуверенную. Потом ещё одну. Она нарисовала то, что всегда рисовала на запотевшем стекле. Простой цветок. Пять неровных лепестков-кружочков и смешная закорючка-стебелёк.

Это не был шедевр. Это был просто детский рисунок.

Она отступила. Белый, пугающий прямоугольник перестал быть пустым. На нём была жизнь. Не идеальная, но настоящая.

Художник смотрел на цветок, и его губы дрогнули. Он подошёл, протянул палец и осторожно, будто боясь смазать, провёл по чёрной линии.

– Цветок, – прошептал он.

Он посмотрел на Дашу, и в его огромных фиалковых глазах стояли слёзы. Но это были не слёзы отчаяния.

– Он... кривой, – прошептал он, всё ещё находясь в плену своих старых мыслей. – Лепестки неровные...

– Зато он весёлый! – с неожиданной для самой себя улыбкой ответила Даша. – По-моему, он улыбается.

Художник замер. Он снова посмотрел на простой детский рисунок. Кривые лепестки, смешная закорючка-стебелёк... И правда, казалось, что цветок улыбается. Простой, глупой, но абсолютно счастливой улыбкой.

И художник, впервые за долгие, долгие годы, улыбнулся в ответ. Сначала робко, потом всё шире. А потом из его груди вырвался странный, сдавленный звук – то ли всхлип, то ли смешок. Он рассмеялся. Тихо, потом всё громче, смехом освобождения, смехом человека, с плеч которого только что сняли неподъёмный груз.

В этот момент книга в её руках потеплела, а золотая линия на карте вспыхнула ярче, указывая путь дальше, сквозь поляну, в траву на другой стороне.

Глава 7: Река, что течёт вглубь

Когда они покинули тихую поляну художника, шёпот высокой травы вернулся. Но теперь Даша слышала его иначе. Раньше он был просто гнетущим шумом, полным сожалений. А теперь, вспоминая улыбку художника, она думала, что каждому из этих шёпотов просто не хватило своего, пусть и кривого, но весёлого цветка. Они так боялись нарисовать неровный лепесток, что в итоге не нарисовали ничего.

Они шли по золотой тропе, которую указывала Карта, и постепенно пейзаж менялся. Серебристая трава становилась ниже, её шёпот – всё тише и тише, пока не превратился в едва слышное бормотание и, наконец, совсем стих. Воздух, прежде сухой и пахнувший пылью, стал влажным и свежим. Под ногами захлюпала влажная земля.

Вскоре они вышли на берег, усыпанный гладкой, отполированной до блеска разноцветной галькой. Перед ними, широкая и величественная, несла свои воды река.

Это была самая странная река, которую Даша когда-либо видела.

Вода в ней была абсолютно прозрачной, как стекло, и текла она медленно, плавно, почти лениво. Но дело было не в этом. На дне, там, где должны были быть песок, камни и тёмный ил, не было ничего. Дна не было. Вместо него была бесконечная, светящаяся глубина, в которой, как в волшебном кино, медленно проплывали и сменяли друг друга живые картины.

Даша подошла к самой кромке воды и заглянула вниз.

Прямо под её ногами, в светящейся толще, проплыл образ: совсем маленький мальчик, смеясь, строил из песка неуклюжий замок, а морская волна мягко слизывала его творение. Картина растаяла, и на её месте появилась другая: девушка в выпускном платье кружилась в танце под звёздным небом. Потом – старик, который с нежностью гладил пушистого рыжего кота. Сцена, где кто-то горько плакал, уронив и разбив любимую чашку. Объятия двух друзей после долгой разлуки. Первый неуверенный шаг ребёнка. Последний выдох, полный покоя.

Это не были ни картинки, ни сны. Это были моменты. Настоящие, прожитые, наполненные до краёв чувствами – радостью, грустью, любовью, болью.

– Это... что это? – прошептала Даша, не в силах оторвать взгляд от завораживающего потока.

– Река Памяти, – ответил Барнаби, садясь рядом с ней на гладкий камень. – Каждая капля в ней – это чей-то прожитый миг. Каждая струя – чья-то история. Представь, что там, в Поле, были пустые, неначатые рисунки, как у нашего знакомого Художника. А здесь – огромная галерея уже нарисованных картин, и каждая рассказывает свою маленькую историю.

Даша смотрела, как мимо проплывает чья-то жизнь, сотканная из тысяч таких вот мгновений. Большинство из них были совсем простыми: ужин в кругу семьи, чтение книги у камина, прогулка под дождём...

И Даша вдруг почувствовала разницу. Там, в Поле, было очень грустно, потому что там не было ничего, кроме сожалений. А здесь... здесь было по-другому. Было красиво. Она смотрела на эти маленькие, простые картинки и думала, что это похоже не на один большой, парадный портрет, который нужно нарисовать без ошибок, а на альбом, полный множества маленьких, но очень тёплых и живых набросков. И каждый из них был по-своему важен.

Книга в её руках снова потеплела. Золотая линия на карте не пересекала реку, а вилась вдоль берега, указывая им путь по течению.

Они пошли по галечному пляжу. С одной стороны их сопровождал тихий плеск воды и калейдоскоп чужих воспоминаний, с другой – возвышались странные, плакучие ивы с длинными серебряными листьями, похожими на застывшие струи дождя.

Они шли довольно долго, пока Даша не заметила, что впереди что-то не так. Спокойное, медитативное течение реки было нарушено. Вода в одном месте бурлила, шла водоворотами,

а образы в глубине сменялись с лихорадочной, безумной скоростью. На смену одной сцене тут же насакивала другая, третья, они перемешивались, накладывались друг на друга, создавая хаос цвета и движения.

И сквозь этот плеск воды они слышали звук. Это было бормотание. Быстрое, сбивчивое, полное суеты. Кто-то говорил сам с собой, перескакивая с одной мысли на другую:

— ...так, сначала построить мост до луны, нет, сначала написать симфонию для падающих звёзд, или лучше изобрести машину времени, чтобы переделать тот неудачный вторник? А ещё нужно выучить язык дельфинов, точно, и вырастить говорящие фиалки!..

Глава 8: Тот, кто шёл по всем дорогам

Чем ближе они подходили к источнику шума, тем тревожнее становилась Река Памяти. Её спокойное течение превратилось в суетливую, паническую толчею. Образы в глубине больше не проплывали спокойно – они метались, сталкивались, накладывались друг на друга, превращаясь в безумную мешанину из чужих радостей, обид и надежд. Воздух здесь был наэлектризован, он дрожал и вибрировал от суетливой энергии.

И вот они увидели его.

На узкой полоске берега, где галька была разбросана в беспорядке, металось маленькое, суетливое существо. Оно было похоже на помесь хорька и белки, с большими, круглыми, панически распахнутыми глазами и постоянно подрагивающим носом. Но самое поразительное было не это.

Существо было полностью опутано тонкими, светящимися золотыми нитями.

Они были повсюду. Десятки, если не сотни, сияющих нитей тянулись от него во все стороны: одни уходили в серебристые ивы, другие – терялись вдаль, вдоль берега, третьи – даже уходили прямо в небо. Эти нити, так похожие на ту, что светила в книге Даши, сковывали его движения. Он делал шаг в одну сторону, но нить, ведущая в другую, натягивалась и не пускала его. Он пытался бежать вперёд, но тут же запутывался в нитях, уходящих назад, и падал, вскакивал и снова падал.

– ...и непременно нужно сосчитать все песчинки в пустыне, да! – бормотал он себе под нос, пытаясь распутать узел на лапе. – Но перед этим – научиться говорить с ветром! Нет, подожди, сначала – найти исток Реки Памяти! Или её устье? Нужно и то, и другое! И сразу!

– Барнаби, кто это? – прошептала Даша, с тревогой и жалостью глядя на мучения бедного создания.

– Это Коллекционер Путеводных Нитей, – так же тихо ответил медведь, и в его голосе была печаль.

– Кажется, он запутался, – тихо сказала Даша, останавливаясь.

– Хуже, – прошептал Барнаби, который смотрел на эту сцену с нескрываемой грустью. – Он сам себя запутал. Каждая эта нить – это Путь. Возможность. Мечта. Он увидел их все и захотел пойти по каждой.

Они подошли ближе. Существо, заметив их, на секунду замерло, его нос забавно дёрнулся.

– Привет! – крикнул он, не переставая дёргать за одну из нитей. – Вы случайно не знаете, как одновременно быть в двух местах? А лучше в ста! У меня столько дел, столько планов! Я не могу выбрать! Каждый путь кажется таким важным!

Даша посмотрела на книгу в своих руках. Её золотая нить светила ровным, спокойным и уверенным светом. Она была всего одна, но она была настоящей. А существо перед ними было пленником сотен таких же, но призрачных возможностей.

– Но... тебе же больно, – сказала Даша, видя, как одна из нитей врезалась в его тонкую лапку.

– Но по-другому нельзя! – с энтузиазмом заявил он, тут же споткнувшись о другую нить. – Нельзя упускать шансы! Что, если я выберу путь направо, а самый главный секрет мира лежит слева? Это будет катастрофа!

Даша посмотрела на Барнаби, потом на мечущегося Коллекционера, а потом снова на свою спокойную, одинокую нить в книге. И тут в её памяти вспыхнула картина: пустая поляна, десятки белых, нетронутых холстов и печальный художник, который боялся провести хотя бы одну-единственную, неидеальную линию. Он боялся выбрать *хоть что-то*. А это

существо перед ней боялось *не выбрать всё сразу*. Но причина их несчастья была одной и той же. И, возможно, лекарство тоже было одним.

Она подошла совсем близко.

– А какая из них... самая тёплая? – тихо спросила она.

Существо замерло. Его безумный монолог прервался.

– Что? – переспросил он.

– Какая нить самая тёплая? – повторила Даша. – Когда ты до неё дотрагиваешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.